

40178
335-0
36
С-313257

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серия историческая.

В. ПИЧЕТА

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ

№ 107

Ц. 25 к.

Книгоиздательство
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
МОСКВА.

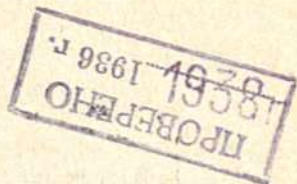
НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серия историческая.

335.0 С-313257

Л-36

В. ПИЧЕТА

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ

810178
560545

Книгоиздательство
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
МОСКВА.

1964 г.

20 10

Москва—1917.

Тип. Акц. О-ва «УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА».

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ СОЦІАЛИСТЫ

1. Французскіе учителя русских соціалистовъ: Сень-Симонъ и сень-симонисты.

Побѣда трехъ самодержавныхъ государей надъ Франціей въ 1815 году вернула ей монархію; правда, монархія эта была ограниченная, но благодаря своеобразности избирательнаго права аристократія, оставившая предѣлы Франціи въ разгаръ стремительныхъ революціонныхъ событій, снова стала у власти и пыталась осуществлять свою эгоистическую классовую политику. И все-таки не дворянство занимало первое мѣсто въ соціальной и экономической жизни Франціи.

Революція 1789 года нанесла мощный ударъ французской аристократіи, отъ котораго она, конечно, никогда не могла оправиться. Законодательство Конституанты и эпохи Консульства выдвинуло на первый планъ буржуазію, усилило ея политическое значеніе настолько, что и въ эпоху Реставраціи она составляла главный элементъ французскаго общества.

Переходъ въ руки буржуазіи значительной части аристократической и церковной земельной собственности и благопріятная для буржуазіи внѣшняя политика, въ значительной степени способствуя промышленному развитію Франціи, ставили буржуазію въ центръ всей экономической жизни страны. Владѣя большими капиталами и вкладывая ихъ въ правительственныя займы, хотя бы и принудительные, французская буржуа-

зія превосходно понимала свое экономическое и политическое значение. Рано или поздно должно было произойти столкновение между экономически сильной буржуазией и аристократией, только волной реакции снова превратившейся въ крупную политическую силу, пытающуюся давать тонъ и направление всей социальной политикѣ страны и въ то же время ненавидѣвшую все политическія и социальныя завоеванія эпохи Революціи.

Послѣ 1815 года народное хозяйство во Франціи развивалось весьма быстрымъ темпомъ. Въ области промышленности происходилъ крупнѣйшій переворотъ—за-мѣна ручного производства машиннымъ. Новые пути и средства снабженія увеличили вышній и внутренній товарообмѣнъ. Накопленные капиталы въ рукахъ энергичной буржуазіи оказались мощнымъ средствомъ для укрѣпленія и усиленія ея экономической силы.

Тако, обороты по вышней торговлѣ къ концу Реставраціи достигли почти миллиарда франковъ. Вывозъ фабрикатовъ былъ весьма значителенъ и оцѣнивался въ 840 милліоновъ франковъ, при чемъ на долю тканей приходилось 220 милліоновъ. Развитію промышленности способствовало увеличеніе добычи каменнаго угля. Въ теченіе 1820—1830 годовъ она поднялась съ 1 милліона до 2 милліоновъ тоннъ. Въ значительной степени повысилось производство желѣза—отъ 80 тысячъ тоннъ до 148 тысячъ и чугуна—отъ 110 до 267 тысячъ тоннъ. Открывались новые банки, создавались акціонерныя компаніи,—словомъ, государство было въ полномъ расцвѣтѣ.

Сознаніе своей экономической силы толкало буржуазію на путь захвата и политической власти.

Ростъ промышленности и подъемъ народнаго хозяйства во Франціи имѣли и обратную сторону. Во Франціи появился рабочій классъ, уже не работавшій на дому, а сосредоточенный въ крупныхъ промышленныхъ предприятияхъ и находившійся въ полной зависимости отъ всемогущаго господина—капитала.

Переходъ къ машинному производству и концентрація промышленности тяжело ударили по рабочему люду. Множество мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ оказались лишенными возможности работать непосредственно на рынокъ. Промышленный переворотъ сократилъ количество рабочихъ рукъ и выбросилъ на рынокъ не малое количество рабочей силы, искавшей себя заработка. Да и положеніе тѣхъ, кто имѣлъ работу, было жалкимъ. Заработная плата была низкая, а большіе кадры безработныхъ не позволяли рабочимъ добиваться ея повышенія, такъ какъ въ любой моментъ выгнаны на улицу и очутившіеся въ рядахъ полугодныхъ и нищихъ могли быть замѣнены искавшими хоть какого-нибудь заработка.

Буржуазный капиталъ не знаетъ сожалѣнія. Проникнутый весь индивидуалистическими стремленіями, не допускающій вышатаательства государства въ отношенія труда и капитала, онъ довольно равнодушно созерцалъ анархію капитализма и былъ готовъ превратиться въ мощную армию, готовую дать отпоръ всѣмъ выпадамъ противъ капитала, откуда бы они ни исходили.

Чѣмъ больше обострились взаимныя отношенія труда и капитала, тѣмъ недовольство современными социальными условіями жизни стало охватывать все большіе и большіе общественные круги. Появляются

мыслители, чуткіе сердцемъ и душой, охватывающіе любовью къ человѣку и ненавистью къ несправедливости, и начинаютъ задумываться надъ переустройствомъ общества на началахъ соціальной справедливости. И къ ихъ волнующему голосу, къ ихъ протесту противъ видимой неправды и униженія человѣческаго достоинства прислушивались весьма чутко все обездоленные и изгнанные отъ соціальной несправедливости и экономическаго гнета, все тѣ, чья душа была охвачена и пагосомъ негодованія, и душевною скорбью. Быть можетъ, апостолы и глашатаи новой жизни были только мечтателями, вдохновленными поэтами, романистами, ушедшими отъ жизни и погруженными въ свѣтлыя грезы о радостной жизни, но они будили мысль, волновали совѣсть, заставляли задумываться надъ жизнью и пристальнѣе всматриваться въ ея противорѣчія.

И такіе апостолы гуманности и справедливости никогда не были одинокими. Они всегда были въ кругу чающихъ новой жизни, крушенія стараго міра, физически усталыхъ и духовно утомленныхъ, становившихся вдругъ крѣпкими и сильными, готовыми смѣло и рѣшительно вступить въ борьбу за свѣтлое и радостное будущее.

Такимъ проповѣдникомъ гуманности и справедливости и властителемъ думъ обездоленнаго человѣчества былъ Сель-Симонъ (1760—1825). Аристократъ по происхожденію, воспитанный на началахъ энциклопедизма, девятнадцати лѣтъ онъ уже сражается въ Америкѣ за независимость. Возвратившись въ Европу послѣ войны и англійскаго плѣна, Сель-Симонъ отказывается отъ военной карьеры, отправляется путешествовать по Голландіи и Испаніи и въ то же время усиленно за-

нимается математикой. Въ эпоху Революціи онъ пріобрѣтаетъ отъѣну титуловъ и привилегій и въ то же время увлекается скупою національныхъ имуществъ, пущенныхъ въ продажу Конвентомъ. Грюндерская дѣятельность Сень-Симона дала ему огромныя средства. Его домъ становится центромъ избращниковъ духа. Самъ Сень-Симонъ — неутомимый умъ, увлеченный проектами и великими смѣлыми планами. За богатствомъ вскорѣ пришло разореніе. Наступили дни нищеты, полугоднаго существованія, но въ то же время духъ его оставался бодрымъ, мысль напряженной, творчество неугасимымъ.

Официальный учоный міръ смѣялся надъ нимъ и его проектами. Для него Сень-Симонъ былъ только чужакъ и безумный человѣкъ. Но всѣ эти вышады и пасмѣшки мало трогали Сень-Симона. Охваченный энтузіазмомъ и вѣрою въ торжество своихъ идей, великій оптимистъ шелъ своей дорогой, дѣлалъ свое великое дѣло, уяснял жизнь, вызывая восторги у однихъ и негодованію, соединенное съ презрѣніемъ, у другихъ.

Сень-Симонъ — сынъ XVIII вѣка, порывавшаго съ старинными традиціями и повѣрившаго во всемогущество человѣческаго разума. Онъ не знаетъ традицій, правилъ, старыхъ моральныхъ устоевъ. Онъ — революціонеръ съ головы до ногъ, и въ то же время всѣмъ охваченъ вѣрой во всемогущество гениальной человѣческой личности, призванной сорвать ветхія одежды со стараго міра. Сень-Симонъ глубоко оригиналенъ въ своихъ историко-философскихъ построеніяхъ, хотя у него были предшественники, стремившіеся открыть законы человѣческаго развитія. Однако, создавъ теорію прогресса, она не касалась конечной его цѣли. Для Сень

Симона всею сущію прогресса не въ его историческихъ ступеняхъ, а въ новой организаціи общества, соответствующаго духу прогресса и требованіямъ разума.

Сень-Симону не удалось систематически изложить свою доктрину. Отдѣльныя ея положенія, блестящія, глубокія мысли были имъ высказаны въ его разнообразныхъ сочиненіяхъ. Несмотря на видимыя противорѣчія въ его историко-философскихъ построеніяхъ, все-же сущность его ученія оставалась безъ измѣненія.

Въ современномъ обществѣ, — думаетъ Сень-Симонъ, — нѣтъ гармоніи интересовъ. Въ основѣ общественнаго устройства лежитъ классовая организація, — мысль, высказанная Сень-Симономъ весьма рано. Страдающіе и бѣдняки составляютъ большинство націи, но они слабы, и причина ихъ слабости въ непроевѣщенности народнои массы.

Общественный антагонизмъ не можетъ быть источникомъ жизнеспособности общества, его просвѣщенности. Такое состояніе только временное. Наступитъ гдѣ-тогда счастливый и радостный день, когда восторжествуетъ всемірная ассоціація, наступитъ гармонія цѣлаго, исчезнетъ вражда внутри общества... Достигнуть торжества правды и вступитъ тѣмъ самымъ въ новый свѣтлый періодъ человѣчества возможно только путемъ непрерывнаго умноженія въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніи самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса, такъ какъ «современный рабочий матеріально и морально эволюционируетъ такъ же, какъ и прежній рабъ; разница только въ интенсивности эксплоатаціи».

Наступленіе новаго порядка возможно лишь при усло-

ной организации промышленности на новыхъ началахъ. Въ этомъ—основное положеніе всей доктрины Сень-Симона, высказанное впервые въ 1818 году въ «Трактатѣ о собственности и законодательствѣ» и получившее дальнѣйшее логическое развитіе въ сочиненіи «Индустриальная система».

По Сень-Симону, промышленный классъ—единственно полезный классъ общества и притомъ становящійся все болѣе и болѣе многочисленнымъ, а рано или поздно онъ долженъ быть единственнымъ классомъ. Промышленный классъ, «индустриалы», это—не только промышленники въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ его составъ входятъ все «производительные» классы населенія, какъ то: земледѣльцы, рабочіе и представители промышленнаго капитала. Изъ него исключаются представители денежнаго капитала и землевладѣльческая группа, не обрабатывающая землю своимъ личнымъ трудомъ. Организация промышленности на новыхъ началахъ возможна только при условіи преобразованія формъ собственности; въ противномъ случаѣ социальный переворотъ немислимъ; формы же политической организации совершенно несущественны.

«Индустриальный классъ—единственный классъ, интереса котораго совпадаютъ съ интересомъ общимъ, потому на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на истинный центръ и очагъ цивилизацій», а слѣдовательно необходимо изыскать средства, съ помощью которыхъ власть перешла бы въ руки промышленнаго класса.

Современная организация власти несовершенна. Это можно доказать тѣмъ, что «люди позволяютъ себя эксплуатировать, что всюду люди неспособные управляютъ способными, что люди наиболѣе безправственные при-

званы наставляють людей въ добродѣтели, что наиболѣе крупнымъ преступникамъ поручено преслѣдованіе и наказаніе мелкихъ правонарушителей).

Разъ все дѣлается черезъ индустрію, то промышленники-индустріалы должны занимать первое мѣсто. Съ этой цѣлью необходимо имѣть самое дешевое управленіе, быть какъ можно меньше управляемымъ и быть управляемымъ людьми, наиболѣе способными къ этому. Последнее можетъ быть достигнуто только въ томъ случаѣ, если къ управленію будутъ призваны наиболѣе значительные индустріалы, такъ какъ они наиболѣе заинтересованы въ измѣненіи условій жизни современнаго общества, «обеспеченіи спокойствія, экономіи въ расходованіи общественныхъ средствъ, ограниченіи произвола».

Реформа управленія невозможна черезъ революціонный переворотъ. Единственно цѣлесообразное средство, по мнѣнію Сепъ-Симона, это—идеальная пропаганда. Добиться такой реформы вполне возможно, такъ какъ $\frac{24}{21}$ всей націи составляютъ индустріалы. Тогда индустріалы станутъ у власти, тогда наступитъ счастливая эпоха въ жизни націи. Общество «будетъ наслаждаться всѣмъ счастьемъ, индивидуальнымъ и коллективнымъ, на которое только способна человѣческая природа».

Переходъ къ новому строю, — думаетъ Сепъ-Симонъ, — довольно легокъ. Индустріалы, большинство націи, образуютъ общественное мнѣніе. Они должны совершенно отчетливо представить себѣ будущую организацію общества, проникнуться сознаніемъ важности задачъ, возложенныхъ на нихъ. Когда общественное мнѣніе будетъ подготовлено, тогда можно будетъ обратиться къ королю съ соответствующей петиціей. Монархъ испол-

нить требованія націи, самъ станетъ первымъ французомъ въ первомъ общественномъ классѣ, и тогда, конечно, въ странѣ не окажется такой силы, которая бы воспрепятствовала установленію индустриальной монархіи. Сень-Симонъ—не сторонникъ абсолютнаго равенства. Эгоистическій индивидуализмъ, прикрывавшійся либеральными разсужденіями о свободѣ человека, нашелъ въ Сень-Симонѣ страстнаго критика и обличителя. И въ то же время существованіе неравенства онъ считалъ совершенно неизбѣжнымъ.

Надо только поставить людей въ такія условія, чтобы они, давши просторъ своимъ силамъ и способностямъ, могли легко подняться за свои заслуги до верховъ соціальной лѣстницы.

Добиться всеобщаго равенства, по мнѣнію Сень-Симона, фактически невозможно, но разъ каждому индивидууму должна быть предоставлена возможность проявлять свои способности и таланты и создавать себѣ выдающееся положеніе своимъ трудомъ, то государство обязано дать работу всѣмъ трудоспособнымъ гражданамъ, позаботиться о широкомъ распространѣніи среди пролетаріата добытыхъ наукой положительныхъ знаній и поставить его въ такія жизненные условія и отношенія, при которыхъ умъ пролетаріата получитъ бы полную возможность дальнѣйшаго развитія.

Организація общества на новыхъ началахъ требуетъ и новой морали, новой религіи. Нужно вернуться къ раннему христіанству, къ великой заповѣди, люди должны стать братьями, и тогда новое христіанство, слѣдуя божественной заповѣди братской любви, пере-

строить общество на началахъ благосостоянія бѣднѣйшихъ классовъ.

Ученіе Сень-Симона не избѣгло нѣкоторыхъ измѣненій. Его талантливые ученики, Анфантенъ и другіе, отъвѣченныо великимъ энтузіазмомъ, усердно и письменно распространяя идеи своего учителя, незамѣтно внесли въ него рядъ измѣненій и дополненій, иногда совершенно уходя отъ первоначальныхъ посылкъ своего наставника и вождя.

Основнымъ положеніемъ философско-исторической системы сень-симонистовъ является признаніе безпорядочнаго состоянія современнаго общества и культуры. Эксплоатации большинства меньшинствомъ — историческое явленіе, которое должно исчезнуть съ исторической арены и уступить мѣсто «всеобщей мирной ассоціаціи». Современный пролетарій, конечно, не рабъ собственника, но его положеніе близко къ рабству. Подъ угрозой голодной смерти ему приходится принимать условія своего хозяина, и благодаря этому современный рабочий «эксплуатируется матеріально, интеллектуально и морально такъ же, какъ прежній рабъ», а между тѣмъ «пролетарій работаютъ на поляхъ и въ мастерскихъ, проливаютъ кровь въ битвахъ, двигаютъ впередъ науки и искусство, служатъ нуждамъ государства, всевозможными способами украшаютъ существованіе привилегированныхъ классовъ».

Сень-симонисты, вслѣдъ за своимъ учителемъ, вѣрятъ въ «естественное неравенство людей» и въ немъ они видятъ основу будущей ассоціаціи людей. Но, чтобы исчезли социальныя бѣдствія, необходимо измѣнить господствующее право собственности, которое при всякомъ революціонномъ движеніи подвергалось бо-

лге или менѣе глубокимъ видоизмѣненіямъ. Разъ организація собственности—явленіе измѣнчивое, то право собственности на орудія производства и землю должно подвергнуться радикальному измѣненію. Необходимо отбѣнить привилегіи въ силу рожденія, необходимо уничтожить право наследованія, которое обрекаетъ народную массу на нищету вырожденія. Земля, всѣ орудія и средства производства должны составить собственность государства, которое распределитъ эти орудія въ зависимости отъ способностей каждаго члена общества и потребностей каждой мѣстности и каждой отрасли производства.

Государство классифицируетъ гражданъ по способностямъ. Каждая способность вознаграждается по дѣламъ. Государство превратится въ ассоціацію работниковъ, гдѣ будутъ согласованы всѣ ходы производства и урегулировано распределеніе благъ, и тогда исчезнутъ конкуренція и индустриальное рабство. Однако, продуктъ труда поступаетъ къ неотъемлемую собственность его производителя.

Сентъ-симонисты такъ же, какъ и ихъ учитель, не были революціонерами: преобразование общества возможно, по ихъ мнѣнію, единъ путемъ медленной и систематической эволюціи.

2. Герценъ и его кружокъ.

Сенъ-симонистскія идеи проникли и въ Россію, но здѣсь не было почвы для ихъ распространенія. Съ мало-развитой промышленностью и малограмотной буржуазіей, съ крѣпостнымъ правомъ въ основѣ социальныхъ отношеній, самая отсталая страна въ Европѣ въ экономическомъ отношеніи, Россія не могла стать мѣстомъ, гдѣ социальныя идеи своимъ полетомъ и глубиной очарованія захватили и овладѣли бы сердцемъ и душой многихъ людей. Новыя социальныя идеи не могли стать достояніемъ народной массы, не могли согрѣть ея душу, освѣтить яркимъ свѣтомъ ея тяжолый жизненный путь. Угнетенному рабу нужна была прежде всего свобода отъ рабства.

Сенъ-симонистскія мечты о социальномъ рабѣ могли увлечь и зажечь яркимъ пламенемъ душу и сердце только немногихъ и для нихъ стать не столько бодрящимъ жизненнымъ идеаломъ, сколько лучомъ свѣта, освѣщавшимъ темную русскую дѣйствительность и немного согрѣвавшимъ ихъ непогодующее и протестующее сердце: отчасти забвеніемъ, отчасти уходомъ въ царство грезъ и красоты изъ мрачной николаевской дѣйствительности.

Казарменная обстановка русской жизни, гнетъ полицейской бюрократіи, духовная пустота создавали невыносимо тяжелую обстановку для жизни. И тѣ, кто были

Бодры и активны духомъ, кто не мирился съ гнусной расейской дѣйствительностью», искали забвенія въ мечтахъ и грезахъ о счастьи человечества, въ стремленіи проникнуть и погрузиться въ самыя глубины нѣмецкой метафизики, дававшей имъ возможность принять и оправдать міръ вмѣстѣ со своимъ собственнымъ существованіемъ.

И по случайности, что сень-симонистскія мечты увлекли раньше всего Герцена и его друга Огарова, атакующихъ правды и жаждущихъ справедливости.

Разгромъ движенія декабристовъ повлекъ за собой тягчайшую реакцію. Общественная жизнь замерла, и въ Россіи, по словамъ одного современника, было тогда не общество, а только одно народонаселеніе. И тѣмъ не менѣе Герценъ совершенно правъ, утверждая, что «пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе». Самому Герцену было тогда 14 лѣтъ, и рассказы о происшедшихъ событіяхъ произвели на дѣтское воображеніе Герцена сильное впечатлѣніе. Передъ Герценомъ открывался новый міръ, который становился средоточіемъ всего его правдивнаго существованія, какъ утверждаетъ самъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ». Казнь Пестеля и его товарищей, по словамъ Герцена, окончательно разбудила сонъ его души, заставила его почувствовать, что «онъ—не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи», и впечатлительный юноша, охваченный пламенемъ ненависти къ Николаю I, поклялся отомстить за смерть пятерыхъ.

Нѣсколько позже Герценъ и его другъ Огаровъ, во время прогулки на Воробьевыхъ горахъ, увлеченные однимъ чувствомъ и любовью, обнявшись

присягнули, въ виду всей Москвы, пожертвовать своей жизнью для борьбы съ правительствомъ.

Воодушевленные такими чувствами, вступили два друга въ Московскій Университетъ. Но въ немъ тогда не было источника живой науки и творчества, и молодая мысль, стремительно рвавшаяся впередъ, конечно, не могла пайти соответствующаго духовнаго удовлетворенія. Осенью 1831 года, на второмъ году университетскаго курса, Герценъ и Огаревъ сблизились еще съ двумя товарищами по университету: Первоначально ихъ затаенной мечтой было намѣреніе образовать общество, которое должно было преслѣдовать цѣли декабристовъ. Однако, знакомство съ сень-симонистскими брошюрами и судьбой сень-симонистовъ направило мысли участниковъ общества къ другой сторонѣ, заставило ихъ увлечься со всей страстью молодости сень-симонистскими идеями, хотя разбирались они въ нихъ въ сущности съ большимъ трудомъ.

Самъ Герценъ превосходно формулировалъ настроеніе свое и своихъ товарищей, неопредѣленность и неясность идейной проповѣди, которую они вели, расплывчатость ея содержания.

«Что собственно мы проповѣдывали,—говоритъ Герценъ,—трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сень-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но выше всего мы проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу».

Увлеченіе кружка социальными идеями—результатъ

внутренних переживаний. «Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-помалу въ то французское воззрѣнiе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ-Констанъ, ильъ Берашже,—терять для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу». Охваченная тоской разочарованiя молодежь бросалась то на «глубокое и серьезное изученiе русской исторiи», то на «изученiе нѣмецкой философи». Но Герценъ съ Огаревымъ не пошли дорогой своихъ сверстниковъ. Отказъ отъ политическаго либерализма, искусственное отгораживанiе отъ жизни для обоихъ друзей были совершенно невозможны, такъ какъ, по словамъ Герцена, они «слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобы свою поступиться ими. Правда, въра въ берашжеровскую застольную революцiю была потрясана, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ нестеронской лѣтлетной, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга».

Пока молодая мысль въ тревожномъ сомнѣнiи стояла на распутьи «среди этого броженiя, среди догадокъ, усилiй понять сомнѣнiя», въ ихъ руки попали «сень-симонистскiя брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессы». Они поразили Герцена и Огарева и въ то же время увлекли широтой горизонта, открывавшагося передъ ними. Съ этого момента кружокъ Герцена больше всего интересуется социальнымъ вопросомъ: «сень-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденiй и неизмѣннымъ остался въ существѣнномъ».

Однако не всѣ стороны сень-симонизма интересовали и волновали студенческаго кружокъ. Мечты сень-симонистовъ о переустройствѣ общества были внѣ интереса молодой мысли. Сень-симонистская проповѣдь пра-

вы на трудъ, новая организація производства и распре-
дѣленія предметовъ потребления сообразно личнымъ
талантамъ и трудолюбію трудящагося, превращеніе го-
сударства въ ассоціацію работниковъ, благодаря чему
только возможно исчезновеніе конкуренціи и рабства, —
остались, кажется, выгъ пытливаго вниманія Герцена
и его товарищей.

Герценъ указываетъ, что «поверхностные и неповерхно-
стные люди довольно смѣлялись надъ отцомъ Анфал-
тевомъ и надъ его апостолами». Теперь же, по мнѣнію
Герцена, «время много признанія наступаетъ для этихъ
предтечъ социализма».

Появившіеся среди мѣщанскаго міра въ нѣсколь-
ко необычномъ вышномъ видѣ, «съ неразрѣзанными жи-
летами, съ отгрохотанными бородами», «эти восторженные
юноши возвѣстили новую вѣру; дѣлъ было что сказать,
и было, во имя чего, позвать передъ собой судъ ста-
рый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу
Наполеона и по орлеанской религіи».

Двѣ стороны увлекали русскихъ социалистовъ въ про-
повѣди учениковъ Сентъ-Симона. Это, во-первыхъ, борь-
ба за «освобожденіе жепщины, призваніе ея на общій
трудъ, отдаче ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею,
какъ съ равной «и, во-вторыхъ, покупку плоти»,
проповѣдь новой морали, заключающая въ себѣ «цѣлый
міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья,
міръ духа, міръ красоты, міръ естественна-нравствен-
ный и потому нравственно-чистый».

Сентъ-симонистская проповѣдь «освобожденія жепщи-
ны» и «реабилитаціи плоти», это — ударъ по буржуаз-
ному міру, это — слово освобожденія отъ смиртуализ-

ма, который такъ силенъ въ понятіяхъ французовъ и такъ вовсе не существуетъ въ ихъ поведеніи».

Сенъ-симонистскія идеи, — отмиѣчаетъ Герценъ, — встрѣтили со стороны многихъ отрицательное къ себѣ отношеніе, и «многіе издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины».

Между тѣмъ сенъ-симонизмъ, это — «религія жизни». приподнимъ «на смѣху религію смерти», «религія красоты — на смѣху бичеванія и худобы отъ поста и молитвы». Благодаря новой морали «распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ — существъ цѣлое, не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, снятый съ шпиль, исчезъ».

Не удивительно, что благодаря сенъ-симонизму «новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему», — говорилъ Герценъ, возстаивавшая картину былыхъ духовникъ переживаній въ своихъ воспоминаніяхъ. И въ своей статьѣ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» Герценъ указываетъ, что сенъ-симонизмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы москвичей. «Дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона, — по словамъ Огарева, — мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь народу, его освобожденію, основой положимъ социализмъ».

9 іюля 1834 г. былъ арестованъ Огаревъ. Нѣсколько позже то же постигло и Герцена. Ихъ обвинили «въ чѣстн дерзкихъ пѣсенъ», имъ поставили въ вину на

мѣреніе образовать тайное общество и заняться проповѣдью сенъ-симонизма, и въ наказаніе оба были отправлены въ ссылку: Герценъ на службу въ Пермь, а Огаревъ—въ Пецзенскую губерцію.

Такъ печально кончилось для Герцена и Огарева увлеченіе сенъ-симонизмомъ.

Сенъ-симонистскія идеи большого распространенія не имѣли въ-кругу тогдашней дворянской молодежи, увлеченной философіей Шеллинга, Фихте и Гегеля и совершенно равнодушной къ политическимъ и социальнымъ проблемамъ. Зато отношеніе Герцена къ кружку философски-настроенной молодежи было проникнуто злой враждебностью. Съ своей стороны философы платили тѣмъ же Герцену и его товарищамъ.

По словамъ Анненкова, Герценъ и его кружокъ «смотрѣли очень подозрительно на Станкевича и Грановскаго, отзывались враждебно и насмѣшливо объ ихъ занятіяхъ, какъ о пріятномъ пропровожденіи времени, найденномъ досужными людьми. Герценъ посиделъ на первыхъ порахъ со своимъ Сенъ-Симономъ, какъ съ Кораномъ, и рассказываетъ въ собственныхъ запискахъ, что, явившись однажды къ Н. А. Поленому, называлъ его отсталымъ человѣкомъ за равнодушный отзывъ о «реформаторѣ».

И самъ Герценъ утверждаетъ, что до ссылокъ между его кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. «Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фронтдерами и французами, мы ихъ сентименталистами и пѣмцами». По мнѣнію Герцена, увлеченіе философскою схоластикою создавало особый «языкъ по-

новъ науки, языкъ для вѣрныхъ, и никто изъ оглашенныхъ его не понималъ». Конечно, главная опасность заключалась не въ искусственномъ созданіи схоластическаго языка, а въ томъ, что «молодые философы наши нешортили себѣ не одніе фразы, но и пониманіе: отношеніе къ жизни, къ действительности сдѣлалось школьное, книжное, -- это было то ученое пониманіе прѣстѣхъ вещей, надъ которымъ такъ гениально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Меркестрофа со студентомъ».

Характерно, что Бѣлинскій, въ разговорѣ своего философскаго настроенія, считалъ, что только въ философіи можно найти отвѣтъ на вопросы души, что только философія даетъ миръ и гармонию души. Недаромъ Бѣлинскій призывалъ пріятеля корреспондента оставить всякую политику и избѣгать всякаго ея вліянія на образъ мыслей. По мнѣнію Бѣлинскаго, «политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда бы Россія безъ всякой политики сдѣлалась счастливѣйшею страпою въ мѣрѣ. Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наука, и искусство, и характера жителей имѣютъ свой смыслъ, свою хорошую сторону. Россія — еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукахъ которой была бы жога, готовая наказывать за шалости... Дать Россіи въ теперешнемъ ея состояніи конституцію — значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего на-

рода свобода есть воля, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣждалъ бы штъ вино, бить стекла и кѣшатъ дворянъ, которые брѣютъ бороды и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зинцухахъ. Свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода приобретаема сознаниемъ. И такимъ прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. Напо правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ».

Такъ умозрительная философія приводила къ примиренію съ дѣйствительностью, проповѣдывала индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе выѣго борьбы.

Между тѣмъ пять лѣтъ пребыванія въ изгнаніи еще болѣе укрѣпили запятую Герценомъ общественно-политическую позицію. Его отношеніе къ умозрительной философіи, развивавшей и укрѣплявшей общественный квіетизмъ, по-прежнему оставалось рѣзко отрицательнымъ. Съ своей стороны, и философія оставалась на принятой ими позиціи.

Противоположность мировоззрѣніи Герцена и философовъ сказалаась сейчасъ же, при первой встрѣчѣ. По словамъ Герцена, новые знакомые приняли его такъ, какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцовъ, людей, выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ

плѣна или ссылки, съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ союзъ, но при этомъ,—подчеркиваетъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«не уступающая ничего, а намекая на то, что они—сегодня, а мы—уже вчера и требуя безусловнаго принятія феноменологии и логики Гегеля, и притомъ по ихъ толкованію».

Герцену кажется смѣшнымъ, что «люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя подвѣи, не согласившись съ опредѣленіемъ «перехватывающаго духа», притимали за обиду мнѣнія объ «абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи».

Философія Гегеля отдѣляла человѣка отъ жизни. Самъ Гегель «держался въ кругу отвлеченій для того, чтобы не быть въ необходимости касаться эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложений; для нихъ онъ избѣгалъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись, какъ больной, но и тогда оставалъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка». Для Герцена «диалектическая метода—если она не есть развѣганіе самой сущности, воспитаніе ея, такъ сказать, въ мысль—становится чисто внѣшнимъ средствомъ, гонимъ сквозь строй категорій всякую всячину, упражненіемъ въ логической гимнастикѣ».

Указывая, что философская фраза, брошенная Гегелемъ, «все дѣйствительное разумно», является для консервативной мысли оправданіемъ остатныхъ формъ политическаго быта, Герценъ въ то же время дѣлаетъ изъ этой формулы совершенно противоположный выводъ: «если существующій общественный порядокъ оправдыва-

ется разумомъ, то и борьба противъ него, если только существуетъ, оправдана».

Серьезно занявшись Гегелемъ, Герценъ пришелъ къ совѣдъ инымъ выводамъ, чѣмъ снисходительно встрѣтившіе его философы. Философія Гегеля не только не оправдываетъ дѣйствительности, но, по словамъ Герцена, «философія Гегеля—алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ челоуѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданія, пережившихъ себя».

Еще до основательнаго знакомства съ философіей Гегеля у Герцена произошло рѣзкое столкновеніе съ Бѣлинскимъ на почвѣ крайняго увлеченія гегелевскимъ ученіемъ. Герценъ отмѣчаетъ, что Бѣлинскій «върождать въ это возрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какою послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и не самостоятельны»: въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста».

И вотъ, когда Герценъ въ бесѣдѣ съ Бѣлинскимъ навопросъ: «знаете ли, что, съ вашей точки зрѣнія, можете доказать, что чудовищная самодержавіе, подъ которою мы живемъ, и должно существовать», получилъ отвѣтъ «безъ всякаго сомнѣнія», между двумя замѣчательными представителями одного поколѣнія наступила размолвка. Фактически Герценъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, и попытки Бакунина «примирить, объяснить, загворить» ни къ чему не приводили.

Въ этомъ столкновеніи двухъ міропониманій философы были на сторонѣ Бѣлинскаго. «Хоръ,—говоритъ Герценъ,—былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ

свысока, гордо пожимая плечамн и находя людьми отстаыми».

Впрочемъ, разладъ Бѣлинскаго съ Герценомъ оказался непродолжительнымъ. Бѣлинскій скоро разочаровался въ гегелевскомъ ученъи, и преклоненіе передъ дѣйствительностью смѣнилось чувствомъ ненависти къ послѣдней. Огареву удалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія Бѣлинскаго въ Петербургъ, когда случайно оказался тамъ и Герценъ, устроить встречу двухъ строгихъ противниковъ, молчаливую молнимъ ихъ примиреніемъ. «Съ этой минуты, — говоритъ Герценъ, — и до кончины Бѣлинскаго мы шли въ нимъ рука объ руку». Разорвавъ съ дѣйствительностью, Бѣлинскій «прокинулся со всею извительностью своей рѣчи, со всею неистощимой энергіей на свое прежнее возрѣніе».

Борьба съ разумностью дѣйствительности дала свои положительные результаты. «Все люди дѣльные и живые перешли, — по свидѣтельству Герцена, — на сторону Бѣлинскаго, только упорные формалисты и педанты отделились... Одни изъ нихъ дошли до того нѣмецкаго самоубійства наукою, схоластической и мертвой, что потеряли всякій жизненный интересъ и сами погубились безъ вѣсти. Другіе сдѣлались православными ставлющими».

Такъ открылись глаза у философовъ, и наступила эпоха борьбы съ дѣйствительностью вмѣсто примиренія съ ней. «Жизнь, — писалъ много лѣтъ спустя Герценъ, — изъ-подъ туго придавленныхъ кланановъ стала сильнѣе прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемена, та перемена, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни

есть поворотъ къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись, другой топъ... Ужасъ пригнулъся, людымъ надобно въ полумракѣ темнаго царства».

Для Бѣлинскаго наступилъ новый періодъ въ его духовной жизни: увлеченіе социалистическими идеями, борьба за освобожденіе женщины, защита интересовъ западно-европейскаго пролетаріата, — и уже съ этой дороги Бѣлинскій не сошелъ до конца своей жизни, оставаясь фанатически преданнымъ новому міровоззрѣнію.

Для Герцена же настала пора самоуглубленія и углубленія своего міропониманія, пора критическаго отношенія къ жизни не столько сквозь призму чувства, сколько сквозь призму ума.

Но сентъ-симонизмъ — не только новое социальное ученіе. Это — проповѣдь новой морали, новаго христіанства болѣе близкаго къ первымъ временамъ христіанства. Эта связь социализма, какъ своеобразнаго религіозно-нравственнаго ученія, съ раннимъ христіанствомъ была подмѣчена Герценомъ.

Въ ссылкѣ Герценъ набросалъ сценаріи двухъ драматическихъ опытовъ*), сценаріи, не получившіе дальнѣйшаго углубленія и разработки, но въ то же время крайне показательные для настроенія молодого Герцена. Сохранились только одни отрывки.

Въ «Лициніи» молодой авторъ стремился представить борьбу древняго міра съ христіанствомъ въ эпоху Нерона. Старые римскіе сенаторы недовольны императорскимъ Римомъ. Они — убѣжденные республиканцы. Убѣжденные въ томъ, что имперія не устоитъ, они въ тиши

*) «Лициній» и «Вильямъ Пенъ».

работаютъ, чтобы низвергнуть тирана. Время проходитъ весело. Пиръ въ самомъ разгарѣ. Произносятся тосты, рѣчи съ политическими намеками, высказываются пожеланія. Всѣ охвачены однимъ чувствомъ, однимъ настроеніемъ, и только Лициній, сынъ устроителя праздника, ко всѣму относится съ равнодушіемъ. Его мысль далеко отъ окружающей реальности, и когда, выведенный изъ забытья вопросами, онъ вынужденъ произнести тостъ, то рѣчь его звучитъ похоронной пѣсней старому Риму и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующимъ гимномъ воскресенія и возрожденія. Старый Римъ не воскреснетъ, думаетъ Лициній. Ему не на кого опереться, не въ комъ найти помощь и поддержку. Плебсъ ненавидитъ патриціатъ, такъ какъ онъ «его замучилъ на тяжелой работѣ, ограбилъ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ»... На плебесъ обопрется Цезарь, а сторонникамъ стараго Рима придется искать помощи у себя самихъ, «съѣдаемыхъ нечистыми страстями, умирающихъ на рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ». Старый Римъ погибнетъ и ему нѣтъ спасенія. Въ основѣ своего Рима послы зародышъ гибели, на Римѣ лежитъ грѣхъ, грѣхъ Ромула. Время казни настало. Такъ ненормальныя социальныя отношенія, эксплуатация большинства меньшинствомъ, отсутствіе всякой морали, преобладаніе одностороннихъ эгонистическихъ интересовъ—должны повлечь за собой гибель стараго Рима.

И въ «Вильямѣ Пеннѣ» Герцень осуждаетъ аристократическіе предразсудки, отрицаетъ право собственности англійской аристократіи на землю, требуетъ ру-

маннаго отношенія ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, энергично защищаетъ права человѣческой личности, рѣзко выступаетъ противъ историческаго христіанства. Для автора «Вильяма Пенна» «Христосъ хотѣлъ братства, равенства, свободы, хотѣлъ, чтобы не было вовсе богатыхъ, хотѣлъ, чтобы бѣднымъ слезы отирали, хотѣлъ, чтобы всѣ любили всѣхъ». Но современная жизнь далека отъ первоначальнаго ученія Христа. Жизнь построена на совсѣмъ иныхъ началахъ. Богатые обижаютъ бѣдныхъ. Благодаря этому послѣднимъ «нѣтъ досуга помолиться Богу». По словамъ главнаго дѣйствующаго лица, сапожника Фокса, «мы сутки цѣлыя должны работать, чтобы хлѣбъ имѣть насущный; есть для другихъ науки, книги, досугъ чѣмъ хочешь заниматься. А намъ что на замѣнъ всего ограбленнаго дали? Работу тяжкую и униженіе. Кто надѣлилъ землю ихъ? Да кто-бы ни надѣлилъ, какое право имѣлъ надъ Божіимъ созданіемъ онъ?» Половина государственныхъ доходовъ, собранныхъ съ бѣдняковъ, идетъ въ даръ «лордамъ, епископамъ, камергерамъ», а «на другую половину солдатъ содержать, чтобы насъ душили, чтобы лили кровь такихъ же христіанъ».

Современное социальное устройство несправедливо и несовершенно. Устами сына лорда Вильяма Пенна, признаннаго на судъ семейный, Герценъ восклицаетъ: «не стыдно-ль христіанами вамъ зваться, и не обманъ ли то позорный, низкій—съ Евангеліемъ въ рукахъ тѣпить милліоны бѣдныхъ». Въ концѣ концовъ Вильямъ Пеннъ уѣзжаетъ въ Америку, гдѣ и устраиваетъ общину на началахъ равенства, любви и братства, но эмигранты заносятъ болѣзнь богатства изъ Европы;

проходить пѣкоторое время, и новая община оказыва-
ется только видоизмѣненіемъ стараго міра.

Еще въ эпоху увлеченія сенъ-симонизмомъ Герценъ и
Огаревъ были знакомы съ ученіемъ другого апостола
соціализма—Фурье. Оба они высоко цѣнили пропо-
вѣдь соціального переустройства. Друзья познали уче-
ніе Фурье изъ вторыхъ рукъ. Ихъ первымъ освѣдоми-
телемъ былъ Трансовъ, который изъ страстнаго сенъ-
симониста превратился въ фурьериста, мечтавшю объ-
единить частныя и общественныя интересы и всякій
трудъ сдѣлать привлекательнымъ, благодаря чему явил-
ся быстро возрастаніе продуктовъ и увеличилось общее
количество трудящихся. Герценъ все время слѣдилъ
за новинками западно-европейской соціалистической
литературы и тщательно ихъ изучалъ, обдумывалъ,
записывая свои размышленія въ своемъ замѣчатель-
номъ дневникѣ.

Герценовское соціалистическое міровоззрѣніе и въ
эти годы не отличается строгостью и логичностью.
Но соціализмъ по старому остается для него откры-
тіемъ правды и истины, призванымъ видоизмѣнить
современное устройство общества, либо, по мнѣнію Гер-
цена, «не можетъ человечество идти далѣе съ этими
путями незаконія». Для этого необходима радикальная
реформа общественнаго устройства: «общественное управ-
леніе собственностями и капиталами, артельное житіе,
организация работъ и возмездія и право собственности,
поставленное на нѣхъ началахъ... Не совершенное
уничтоженіе личной собственности, а такая инвестируа
обществомъ, которая даетъ государству права общихъ
направленій». Герценъ согласенъ, что «фурьеризмъ, ко-
нечно, всѣхъ глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ,

онъ далъ такія основанія, на которыхъ можно построить больше фалангъ и фаланстеровъ».

Въ 1844 году Герценъ познакомился съ сочиненіями послѣдователя Фурье—Консидерана. Чтеніе его книги Герценъ отбѣтилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующей замѣткой: «его сочиненіе несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего, вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходитъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны, и источники ихъ обличены съ безпопачностью».

Вообще ненормальность существующихъ социальнихъ отношеній чувствовалась Герценомъ весьма сильно. Этимъ и объясняется увлеченіе его утопическимъ социализмомъ.

Соціалистическія мечтанія Герцена пока носили совершенно абстрактный характеръ. Въ нихъ отразилось негодующее чувство неискренняго человѣка при видѣ наличныхъ социальныхъ золь и бѣдствій. Увлекаясь лишь теоретически социализмомъ и не интересуясь пока социальностію проблемой въ Россіи, Герценъ въ социализмѣ видѣлъ могучій идейный факторъ, который сразу уничтожитъ противорѣчія въ устройствѣ современнаго общества. Россія сама по себѣ пока не привлекала вниманія апостола русскаго социализма. И даже бесѣды съ Гакстгаузеномъ о земельной русской общинѣ не произвелъ на Герцена сильнаго впечатлѣнія. Онъ согласенъ съ Гакстгаузеномъ, что сохранившуюся изъ древности общинность надо развивать сообразно требованіямъ времени, но и только. Герценъ еще не видѣлъ въ общинѣ ячейку для справедливаго разрѣшенія социальнаго вопроса. Это положеніе онъ сталъ отстаивать по

томъ, со всѣмъ свойственнымъ ему жаромъ и темпераментомъ, когда въ земельной общинѣ, не переходящей по наследству, увидѣлъ основу сентъ-симонистскаго взгляда на собственность, и рѣшилъ, что это фактически дѣлаетъ невозможнымъ появленіе пролетаріата въ Россіи. Эти мысли высказаны имъ значительно позже, подъ вліяніемъ событій во Франціи, во время его изгнаническаго пребыванія за границей, когда разочарованіе въ западномъ мірѣ заставило Герцена пристальнѣе всматриваться въ особенности жизни русскаго народа и въ ней искать условій, подходящихъ для переустройства общества на началахъ справедливости. Тогда онъ увидѣлъ въ Россіи страну, гдѣ социальныя преобразованія могутъ быть выполнены раньше всѣхъ и быстрее всѣхъ. И эта вѣра была долгое время путеводной звѣздой въ скорбномъ и тяжеломъ жизненномъ пути Герцена.